

Посланники Баха двинулись навстречу Мендельсону

После концертов в Риге и Санкт-Петербурге молодежный оркестр и хор Международной Баховской академии (Штутгарт) под руководством Хельмута Риллинга выступил и в Москве. Главным итогом стало то, что в рамках академического концерта современной публике впервые была отведена «историческая» роль посетителя лейпцигского Гевандхауза, пришедшего 154 года назад на концерт Феликса Мендельсона-Бартольди.

Воспользоваться словами немецкого музыкального критика, который отзывался о точь-в-точь таком же концерте в 1843 году: «Он — один из лучших этой зимой» — мне мешают два обстоятельства. Во-первых, зима еще не наступила. Во-вторых, назвать концерт одним из лучших даже в рамках молодежно-европейского творчества, представленного в начале этого сезона оркестром Евросоюза, — значит покривить душой.

Зато есть все поводы атрибутировать его как впечатляющую историческую реконструкцию. После десятидневных вильнюсских учений плод юных баховских садовников упал в Москве, брызжа перенасыщенностью композиторских имен (Гайдн, Моцарт, Бетховен, Вебер, Мендельсон) и источая аромат раритетов (впервые в Москве прозвучали Фантазия для фортепиано, хора и оркестра Бетховена и баллада для солистов, хора и оркестра «Первая Вальпургиева ночь» Мендельсона).

В отличие от баловня романтизма Мендельсона, композитора, состоявшего на дирижерской службе, Хельмут Риллинг начинал кантором Памятной церкви в Штутгарте, продолжал в Гехимском церковном хоре, в пандан к которому создал инструментальный ансамбль «Бах-Коллегиум Штутгарт». Инструментальное и хоровое дирижерские амплуа слились в Международной Баховской академии —

этаким космополитском учебно-практическом центре, вот уже почти 20 лет собирающем со всего мира юных миссионеров от «музыки вообще».

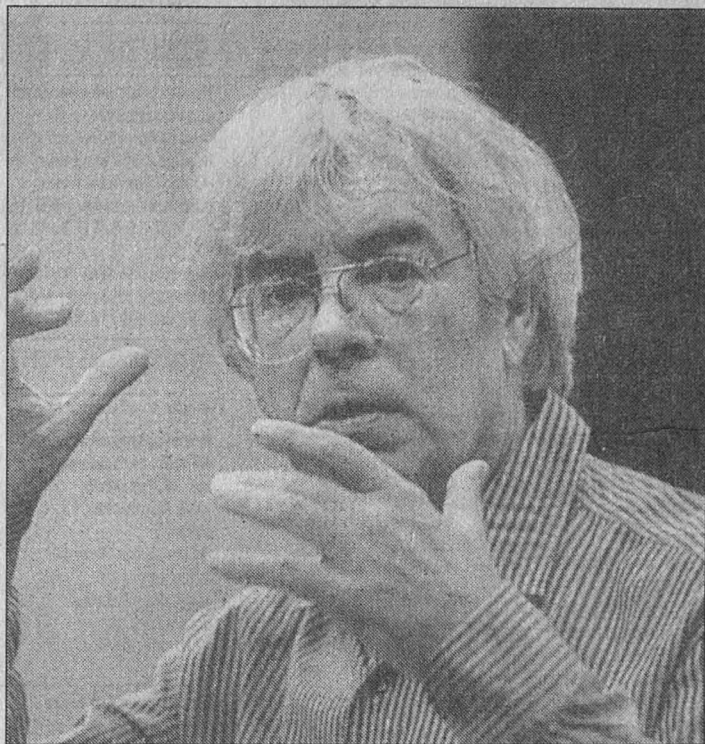
Куда? А туда, где собираются участники, допустим, штайнеровских актерских семинаров, бесконечно меняющие вегетарианские пастбища: один год в Германии, другой — в Англии, третий — еще где-нибудь. Музыкантам сложнее — нужны помещения для занятий, поэтому академия приглашает педагогов в мастер-классы европейских консерваторий (по этой линии Риллинг периодически бывает в Москве, Кракове и т. д.), а учеников — в десятидневные осенние лагеря. При этом у академии есть и штаб-квартира в Штутгарте.

Каждый год — не только новое место, новые люди, но и новая программа. В 1995-м — Stabat mater Дворжака, в 1996-м — Messa da Requiem Верди. В нынешнем — «Первая Вальпургиева ночь» Мендельсона.

Прежде чем во втором отделении прозвучала эта удивительная многонаселенная баллада (стихи Гете), оставив смешанное чувство восхищения хором и одним из солистов (Петер Лика — бас) наряду с бесхребетным оркестром, тревожным корейским тенором (Сангхо Чхой) и невыразительной Стеллой Дюфексис (меццо-сопрано), «исторический парик» московского меломана поистерпался в перипетиях первого отделения.

Не знаю, жалел ли капельмейстер Гевандхауза (автор «Свадебного марша») слушателей, когда существенно увеличил свои претензии на их внимание (вместо двух обязательных частей в симфониях начали давать все четыре; кроме того, стало правилом исполнение новых, иногда прямо по рукописи разученных вещей), — нас пожалеть было некому.

Сознавая позорный проигрыш немецкому предшественнику в терпении и любозна-

Основатель «баховской Мекки» Хельмут Риллинг оставил на время свои монографические интересы. Теперь его увлекает историческая реконструкция

тельности, московский слушатель тешил себя крамолой: Риллинг — все ж не Мендельсон, да и студенческий коллектив — это вам не Гевандхауз. Пусть на футлярах контрабасистов старых времен не красовались штемпели европейских аэропортов и не были футляры столь евроремонтно белы, зато контрабасы эти в 88-й симфонии Гайдна звучали, пожалуй, качественнее. Да и валторнистам далеко было до тогдашних, особенно в «Эврианте» Вебера, откуда — за ниточку потяни — и Вагнера вытащишь. А вот мужской хор в двух песнях Вебера был что надо, особенно в шепотах-пульсах «Дикой охоты Лютцова».

Замечу, что слабое музицирование порой провоцировало на удивительные наблюдения: никогда не слышанная Фантазия Бетховена для фортепиано, хора и оркестра, не получись она у пианиста Джеффри Кехей-

на (США) такой встрепанной, вряд ли потрясла бы своим легкомысленным сходством со знаменитой «Одой к радости» из Девятой симфонии.

Впрочем, просветительство всегда на пользу. Кроме того что молодежь играет и поет (лучше всего на флейте и в хоре), концерт, «пожививший» на вечер Большой зал консерватории с лейпцигским Гевандхаузом, преподнес и свою историческую мораль: прошлый век умел соединять музыку прошлую с музыкой современной куда смелее, чем нынешний. Любого, кто сегодня отважится исполнить на сцене Большого зала консерватории Шумана и Рахманинова в одной программе с Хренниковым и Екимовским, сочтут безумцем. Публику прошлого века к такому приучали вовсе не сумасшедшие, например Мендельсон.

ЕЛЕНА ЧЕРЕМНЫХ